

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №207

КЕМЕРОВО 2023

05 июня 2023
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзугцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 05.06.2023 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

Содержание

1. О ПОНЯТИИ «СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ».....	3
Распутин А.Д.	
2. ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ.....	6
3. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ.....	10
Чебыкина И.А., Дробот С.А.	
4. ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ СТАТЬИ 105 УК РФ ОТ ПУНКТА «А» ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 264 УК РФ ПО ПРИЗНАКУ ВИНЫ.....	15
Чебыкина И.А., Дробот С.А.	
5. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА	20
Кириловский В.А.	

Распутин Александр Дмитриевич
Rasputin Alexander Dmitrievich

Студент Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия,
юридический факультет

УДК 34

О ПОНЯТИИ «СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ»

ABOUT THE CONCEPT OF "JUDICIAL POWER"

Аннотация: в работе рассмотрена проблема отсутствия единого подхода к пониманию понятия «судебная власть»; проанализированы подходы некоторых ученых к пониманию «судебной власти»; основе анализа разных точек зрения по этому вопросу, автор предлагает свое понятие «судебной власти».

Abstract: the paper considers the problem of the lack of a unified approach to understanding the concept of "judicial power"; analyzed the approaches of some scientists to the understanding of "judicial power"; Based on the analysis of different points of view on this issue, the author offers his own concept of "judicial power".

Ключевые слова: суд, судебная власть, правосудие, самостоятельность судебной власти, разделение властей.

Keywords: court, judicial power, justice, independence of the judiciary, separation of powers.

Принцип самостоятельности судебной власти тесно связана с принципом разделения властей, поскольку напрямую из него вытекает. Первым идею о разделении властей на три ветви сформулировал французский писатель, правовед и философ Шарль Луи Монтескье в своем труде «О духе законов» от 1748 г. Основная идея этого принципа сводится к тому, что разделение властей необходимо для того, чтобы избежать ситуации, при которой власть может сосредоточиться в руках одного человека или группы лиц. Опасность чрезмерного сосредоточения власти в руках узкого круга лиц опасна тем, что непременно ведет к злоупотреблению властью, деградации общественных институтов и самого государства. По Монтескье именно выделение судебной власти в отдельную ветвь способствует предотвращению образования деспотичной формы правления, поскольку если власть законодательная будет содержать в себе власть судебную, то будет царить произвол, ибо судья будет законодателем. Если же судебной властью будет наделена власть исполнительная, то судья непременно вырождается в угнетателя.

В Российской Федерации принцип разделения властей закреплен в статье 10 Конституции РФ, в соответствии с которой. Согласно положениям Конституции, судебная власть является самостоятельной ветвью государственной власти представленной специальными органами, – судами - , занимающимися отправлением правосудие посредством осуществляет конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

В правовой науке до сих пор не сложилось единого понимания определения понятия судебная власть. Каждый ученый предлагает свой подход к определению этого термина. Ряд отечественных авторов в определении судебной власти исходят из понимания её как системы органов, наделенных специальными полномочиями по осуществлению правосудия. Например, доктор юридических наук В.П. Божьев дает следующее определение: «Судебная власть есть предоставленные специальным органам государства — судам — полномочия по разрешению отнесенных к их компетенции вопросов, возникающих при применении права и реализации этих полномочий путем конституционного, гражданского, уголовного, административного, арбитражного судопроизводства с соблюдением процессуальных норм, создающих гарантию законности и справедливости принимаемых судами решений» [1, 33]. Похожее определение дают Ю.А. Дмитриев и Г.Г. Черемных, по их мнению, судебная власть это - «самостоятельное публично-правовое образование, представляющее собой систему специальных государственных и муниципальных органов, обладающих предусмотренными законом властными полномочиями, направленными на установление истины, восстановление справедливости, разрешение споров и наказание виновных, решения которых обязательны к исполнению всеми лицами, которых они касаются» [2, 49]. Если мы анализируем эти определения, то сможем выделить две общих черты, которые их объединяют. Во-первых, судебная власть — это

система специальных органов – судов, а, во-вторых, эти органы наделены специальным полномочиями по осуществлению правосудия.

Такой подход к пониманию судебной власти критикуется многими учеными. Критики в частности подвергается то, что такой подход концентрирует большое внимание на том, что судебная власть это прежде всего государственный орган, который осуществляет правосудие, в то время как термин «власть» подразумевает в первую очередь наличие круга властных полномочий посредством которых осуществляется влияние на общественную жизнь. Так К.Ф. Гуденко пишет, что термину судебная власть свойственно два компонента: «во-первых, данная власть может реализоваться только специально создаваемым государственным учреждением – судом; во-вторых, у этого орган должны быть свои, присущие только ему возможность и способность воздействия». Другими словами, властью надлежит считать не орган или должностное лицо, а то, что они могут и в состоянии сделать. По существу, это полномочие, функция, но не её исполнитель» [3, 2000].

Так согласно Конституции РФ и иным законам за судебной властью также закреплены следующие полномочия: осуществление конституционного контроля, то есть проверка принимаемых законов на соответствие Конституции РФ, проверки соответствия международных договор Российской Федерации Конституции РФ; дача разъяснений по вопросам судебной практики; формирование органов судейского сообщества, например, таких как совет судей или квалификационная коллегия судей.

Только названных полномочий, которыми обладает судебная власть достаточно чтобы сказать, что деятельность их не ограничивается только лишь осуществлением правосудия, круг их возможностей гораздо шире.

Существует и совершенно иной подход к определению судебной власти, который исходит из того, что понятие судебной власти необходимо формулировать, отталкиваясь от её роли в системе разделения властей. Так, В.М. Савицкий пишет: «В контексте системы сдержек и противовесов судебную власть характеризуют не столько правосудие, сколько юридическая возможность оказывать активное влияние на действия и решения законодательной и исполнительной властей, уравнивать их. Вот эти-то полномочия, когда они предоставлены суду и используются судом, превращают его в мощную стабилизирующую силу, способную защищать права граждан, оберегать общество от разрушительных социальных конфликтов» [4, 29]. Давая это определение, автор отталкивается от понимания судебной власти как системы органов, необходимость существования которых обуславливается их активной ролью в процессе стабилизации и уравнивания системы разделения властей

Подход к пониманию судебной власти через оценку её места в системе разделения властей и её влияния на другие ветви власти в значительной степени отражает способность судебной власти осуществлять контроль за действиями законодательной и исполнительной власти посредством осуществления конституционного контроля, но на мой взгляд данный подход не раскрывает всей сути и значения судебной власти, охватывая лишь одну её функцию.

Другие ученые подходят к пониманию судебной власти через оценку её деятельности как общественно-политического арбитра, призванного разрешать общественные конфликты, возникающие в обществе между разными социальными группами. Такой подход развивал Б. Чичерин [5], который понимал суд как «орган правды», занимающий независимое положение между сторонами конфликта, что позволяет ему принимать непредвзятые решения по существу спора. С.А. Шейфер [6] давая свое понимание исходил из той же позиции и говорил, что судебную власть от других ветвей власти отличает наличие у неё исключительных полномочий по разрешению социальных конфликтов с наделением сторон конфликта равными правами и обязанностями. Если немного расширить это понимание судебной власти, то можно сказать, что она выполняет функцию по сохранению существующего общественного правопорядка путем предоставления возможности разрешить возникающие в обществе конфликты в специальной установленной законом форме.

И так, как мы видим в среде ученых правоведов есть самые разные подходы к пониманию понятия судебная власть. Мне представляется, что вывести самое полное и точное определение судебной власти возможно лишь посредством анализа и обобщения всех вышеизложенных подходов к пониманию судебной власти. Если провести анализ всего вышесказанного, то можно выделить следующие отличительные особенности судебной власти: осуществляется только специальными органами – судами; призвана обеспечивать верховенства права путем защиты основных прав и свобод граждан путем осуществления правосудия; занимает важную роль в системе сдержек и противовесов,

посредством осуществления конституционного контроля; её деятельность направлена на сохранение правопорядка, путем осуществления правосудия, то есть разрешения социальных, экономических, политических и иных споров, возникающих между гражданами, юридическими лицами и представителями власти.

Исходя из всего выше сказанного можно предложить следующее определение судебной власти. Судебная власть – самостоятельная ветвь государственной власти, представленная специализированными органами, - судами -, деятельность которых направлена на обеспечение верховенства права, защиту основных прав и свобод граждан и на сохранение стабильности существующего правопорядка посредством отправления правосудия путём осуществляет конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

Подводя итог можно сказать, что единого и общепринятого определения понятия «судебная власть» правовая наука не дает. Несмотря на то, что в ученой среде довольно давно идет активная работа по выработке этого понятия мы так и не приблизились созданию единого подхода к пониманию понятия «судебная власть», поскольку каждый ученый подходит к выработке определения исходя из своего понимания сущности и значения судебной власти, в то время, как только комплексный, совместный подход и анализ разных идей по этому вопросу поможет нам приблизиться к такому пониманию термина «судебная власть», которое будет отражать всё его сущностное содержание.

Библиографический список:

1. Божьев В.П. Правоохранительные органы РФ. – М. : ЮРАЙТ, 2009.
2. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защиты прав и свобод человека. - СПб. : Государство и право, 1997.
3. Гуценко К.Ф. Правоохранительные органы. - М. : Зерцало, 2000.
4. Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации. - М. : БЕК, 1996.
5. Шейфер С.А. Понятие и взаимоотношения судебной, прокурорской и следственной властей. С. : Самарский ун-т, 1991.
6. Чичерин Б. Философия права. - М. ЮРАЙТ, 2023.

Морозова Валентина Евгеньевна

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия

Morozova V. E.

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia

УДК 347.9

ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ**PRIVATE DEFINITION: DOCTRINAL PROBLEMS AND APPLICATION PRACTICE**

Аннотация. В предложенной статье рассмотрены современные проблемы правового регулирования института частного определения в Российской Федерации. Анализируется практическое применение частных определений в судебном процессе. Предлагаются пути решения данной проблемы для наиболее эффективного регулирования законодательства.

Abstract: In the proposed article, modern problems of legal regulation of the institute of private definition in the Russian Federation are considered. The practical application of private definitions in the judicial process is analyzed. The ways of solving this problem for the most effective regulation of legislation are proposed.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, частное определение, санкция суда, судебная практика.

Keywords: civil proceedings, private definition, court sanction, judicial practice

Гражданское судопроизводство имеет своим назначением защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц и организаций, что служит результатом правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел (ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации – далее ГПК РФ). Обычно, когда речь идет о значении решений для выполнения назначения гражданского судопроизводства, имеют в виду решение суда как важнейший акт правосудия. Однако законность и обоснованность судебных актов в значительной мере зависят от законности и обоснованности тех решений, которые по различным вопросам принимаются в ходе производства по делу, его рассмотрения и разрешения. И важнейшим актом реагирования на нарушения законности, в данном случае, является частное определение.

Изначально институт частных определений нашел свое закрепление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 226 ГПК РФ)¹ и в Кодексе административного судопроизводства РФ (ст. 200 КАС РФ)², тогда как в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации такая норма была введена значительно позже (ст. 188.1 АПК РФ).³ Частные определения – один из 6 видов определений.

Следует сказать, что же является частным определением по действующему законодательству. Вообще термин частного определения не закреплён законодательно, его правовая природа до конца так и остаётся не ясна. Но, исходя из положений законодательства и практического применения данного судебного акта можно выделить некоторые признаки частных определений, из которых можно и вывести определение данного понятия.

Основаниями вынесения судами частного определения в соответствии с п. 1 ст. 226 ГПК РФ служит выявление случаев нарушения законности, послуживших причиной правонарушений, а в соответствии с п. 1 ст. 188.1 АПК РФ, выявленные в ходе рассмотрения дела случаи, требующие

¹ Гражданский процессуальный кодекс РФ: ФЗ от 14.11.2002 г. № 138–ФЗ (с изменениями от 30 апреля 2021 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 18. – Ст. 1834.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: ФЗ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изменениями от 24 февраля 2021) // СЗ РФ. – 2001. – № 9. – Ст. 1466.

³ Федеральный закон от 02.03.2016 N 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации"

устранения нарушения законодательства Российской Федерации. То есть ни АПК РФ, ни ГПК не содержат конкретные и исчерпывающие указания на то, какие нормы следует рассматривать в качестве оснований для вынесения судами частных определений. Анализ частных определений позволяет сделать вывод, что действительно серьезных оснований для их вынесения немного – в основном, это дисциплинарные проступки, которые могут рассматриваться как неуважение к суду (например, неявка должностного лица в судебное разбирательство без уважительной причины), но попадаются и более серьезные правонарушения. Хотя Верховный Суд Российской Федерации в п. 77 Постановления Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 16, указал, что частное определение может быть вынесено в адрес нижестоящего судьи, не при любом нарушении закона, а только в случаях, если допущены судебные ошибки, повлекшие искажение принципов судопроизводства и нарушение прав участников процесса (например, затягивание процесса, неисполнение требований процессуального закона или применение нормативного правового акта, утратившего силу на момент возникновения спорных отношений).⁴

Иные частные определения, вынесенные по гражданским делам, имеют уголовно-правовую подоплеку, так как их копии направляются в адрес председателя Следственного комитета РФ.

В ходе рассмотрения исков и заявлений участвующие в деле лица могут подать ходатайство о вынесении частного определения. При поступлении же ходатайства о вынесении частного определения, суд обязан его рассмотреть. Принять решение и обосновать правовую позицию по указанному вопросу. Хотя и считается, что частное определение может быть связано только с инициативой суда, но и участники дела могут подать такое ходатайство, поскольку хоть законодатель прямо и не разрешает этот вопрос, но и не запрещает пользоваться лицам, участвующим в деле (ст. 41 АПК РФ, ст. 35 ГПК РФ) такой возможностью. Вынесение частных определений является правом, а не обязанностью суда. То есть, иными словами – хочет суд – вынесет частное определение, не хочет – не вынесет.

В статье 226 ГПК РФ отсутствует указание на тот момент, когда суд должен выносить частное определение, а сам вопрос о целесообразности оглашения частного определения в судебном заседании решается судом. Так в отдельных случаях суд может не оглашать содержание частного определения в открытом судебном заседании, если преждевременное разглашение сведений о выявленных нарушениях затруднит их устранение. Однако, следует отметить, что суд объявляет, факт вынесения частного определения, и делает запись в протоколе судебного заседания.

Согласно части первой статьи 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» вступившие в законную силу судебные постановления обязательны для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Поскольку частное определение является разновидностью судебного постановления, на него полностью распространяются данные положения закона.

Закон возлагает на организации или соответствующих должностных лиц, которым частное определение адресовано, обязанность в течение месяца сообщить о принятых ими мерах. По ГПК РФ в случае несообщения о принятых мерах виновные должностные лица могут быть подвергнуты судебному штрафу - должностные лица – до тридцати тысяч рублей, организации – до ста тысяч рублей. По АПК РФ Статье 188.1. - неисполнение частного определения арбитражного суда влечет за собой наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей.

Тем не менее, и ГПК и АПК устанавливает, что наложение штрафа не освобождает соответствующих должностных лиц от обязанности сообщить о мерах, принятых по частному определению суда. Хотя, закон не устанавливает дальнейшую ответственность в случае неисполнения этой санкции. Возможно, предлагается повторное наложение штрафов - этот вопрос законодатель не разъясняет.

Таким образом, как акт правосудия частное определение - это решение, в котором обращается внимание государственных органов, общественных организаций и должностных лиц на нарушение закона, вынесенное судом в строгом соответствии с законом, соблюдением процессуальной формы, наравне с другими решениями суда вступающее в законную силу и носящее обязательный характер.

⁴ Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 "О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях"

Частные определения выносятся не для разрешения процессуальных вопросов, а являются одним из видов санкций, и больше определённым способом реагирования суда.

Хотя, учитывая весьма размытые последствия, неисполнения частного определения, возникает ощущение, что данный способ реагирования судов является в большей степени превентивной мерой, призванной обеспечить законность действий участников судебного процесса.

Кому же могут выноситься частные определения? Так, как частные определения выходят за рамки процедуры по конкретному делу и касаются несравненно большого круга лиц, они могут быть вынесены в отношении участников гражданского судопроизводства и иных лиц, не участвующих в рассматриваемом судом гражданском деле.

Так, например: при неявке в судебное заседание без уважительных причин представителя — адвоката, когда его участие обязательно, в силу ст. 50 ГПК РФ, целесообразно применение частного определения при вторичном вызове. И по аналогии с прокурорскими работниками, если имя адвоката неизвестно, частное определение должно быть адресовано председателю соответствующей коллегии адвокатов.

При неявке в судебное заседание без уважительных причин прокурора, когда его участие обязательно для дачи заключения в силу ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, также целесообразно применение частного определения. Частное определение должно быть адресовано прокурору — руководителю соответствующей прокуратуры.

При неявке в судебное заседание без уважительных причин представителей государственных органов, органов местного самоуправления, когда их участие необходимо для дачи заключения по делу, в силу ст. 47 ГПК РФ, также целесообразно применение частного определения. Но прежде суд должен проверить, были ли извещены надлежащим образом, названные органы о необходимости их участия.

Так же частные определения могут быть вынесены в адрес судьи, хотя сам факт нарушения конкретного судьи уже описывается в базовом судебном решении, например в апелляционном или кассационном определении, но учреждение дисциплинарной ответственности в отношении судей подтолкнуло высшие инстанции к вынесению частных определений в адрес нижестоящих судов и судей даже при малозначительных поводах. Что может повлиять на карьеру судьи, на практике, именно вынесенные частные определения, как часть некачественной работы судьи становятся «стеклянным потолком» для дальнейшего продвижения, хотя в законе данные последствия не указаны.

Таким образом, для наиболее эффективного регулирования данного процессуального института автор предлагает внести следующие изменения законодательства: дать нормативное определение понятия «частное определение»; указать исчерпывающие последствия их применения в адрес участников процесса; закрепить конкретные меры обеспечения исполнения частных определений, ввести конкретный исчерпывающий перечень участников процесса в отношении которых может быть применено частное определение.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 25.05.2023)
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ: ФЗ от 14.11.2002 г. № 138–ФЗ (с изменениями от 30 апреля 2021 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 18. – Ст. 1834. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 25.05.2023)
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: ФЗ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изменениями от 24 февраля 2021) // СЗ РФ. – 2001. – № 9. – Ст. 1466.
4. Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 "О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях" // – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.04.2022).
5. Постановления Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» // – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 16.04.2022).

Морозова Валентина Евгеньевна- студентка 3 курса, Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия, e-mail: valiamorozova98@gmail.com;

Научный руководитель: Джура Виктория Владимировна - кандидат юридических наук, и. о. завкафедрой гражданского и административного судопроизводства, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия.

Morozova Valentina Evgenievna - 3rd year student, East Siberian Branch Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia, e-mail: valiamorozova98@gmail.com;

Supervisor: Jura Victoria Vladimirovna - Candidate of Law, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia.

Чебыкина Ирина Александровна

магистрант, кафедра уголовно-правовых дисциплин
Челябинский государственный университет,
РФ, г. Челябинск
E-mail: irinaalecsandrovna2000@mail.ru

Дробот Сергей Александрович

научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
Челябинский государственный университет,
РФ, г. Челябинск

Irina Chebykina

master's student, Department of Criminal Law Disciplines
Chelyabinsk State University,
Russian Federation, Chelyabinsk

Sergey Drobot

scientific supervisor, candidate of legal sciences, associate professor, Chelyabinsk State University,
Russian Federation, Chelyabinsk

УДК 343.228

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ
НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ****SOME ISSUES OF QUALIFICATION OF EXCEEDING THE LIMITS OF NECESSARY
DEFENSE**

Аннотация. В статье рассматривается институт необходимой обороны. Обозначены проблемы, связанные с признаками превышения необходимой обороны. Рассмотрены случаи квалификации необходимой обороны как преступлений, предусмотренных статьями 108 и 114 УК РФ. Предложены пути дальнейшего совершенствования института необходимой обороны.

Annotation. The article discusses the institute of necessary defense. The problems associated with signs of exceeding the necessary defense are identified. The cases of qualification of necessary defense as crimes provided for in Articles 108 and 114 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The ways of further improvement of the institute of necessary defense are proposed.

Ключевые слова: институт необходимой обороны, способ, мотив, предел.

Keywords: institute of necessary defense, method, motive, limit.

Институт необходимой обороны в российском уголовном праве прошел длительный путь становления. Законодатель, закрепляя положения о нем в статье 37 Уголовного кодекса (далее — УК РФ), имел целью защитить обороняющее лицо от необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Вопрос о существовании указанного института порождает различные споры среди теоретиков уголовного права касаясь преобладания большого количества оценочных категорий в законодательной конструкции норм, что порождает определенные сложности при квалификации деяний и оказывает негативное влияние на реализацию конституционного права граждан на необходимую оборону. Парадоксальность состоит в том, что зачастую действия нападающих не регламентируются, в то время как обороняющийся должен оценивать свои действия, чтобы не превысить пределы необходимой обороны [1, с. 673].

Несмотря на законодательное закрепление понятия «необходимая оборона», в доктрине уголовного права до сих пор нет его единого толкования. С одной стороны, необходимую оборону понимают как обстоятельство, то есть некое подобие юридического факта, с другой стороны — состояние [2, с. 3]. Применительно к уголовному праву А.А. Максуров предлагает под необходимой обороной понимать поощряемые правом активные правомерные, в силу прямого указания закона и вследствие общественной опасности действий посягнувшего лица, причиняющие или способные

причинить вред нападающему действия обороняющегося лица, осуществляемые им в процессе самозащиты от общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законом права, свободы и интересы [3, с. 23].

Наиболее сложным условием правомерности необходимой обороны является недопущение превышения ее пределов. В доктрине уголовного права наличествует множество мнений по поводу установления критериев превышения пределов необходимой обороны. М.Д. Шаргородский писал, что «для признания необходимой обороны правомерной требуется, чтобы интенсивность защиты соответствовала интенсивности нападения». Причинение нападающему более значительного вреда, чем это предполагал характер совершаемого нападения, образует тем самым превышение пределов необходимой обороны и является неправомерным действием, за которое виновный должен понести уголовную ответственность» [7, с. 87].

Так, житель одного из сел в Якутии расстрелял из охотничьего ружья троих мужчин. Как следовало из материалов дела, между компанией из четырех мужчин и родственником А. произошел конфликт, после чего компания приехала к дому А. для того, чтобы разобраться с его родственником. А., чувствуя угрозу жизни, имея цель заступиться за свою семью, открыл огонь, в результате чего трое из мужчин от полученных травм скончались месте.

Как следует из разъяснений, содержащихся в пункте 11 Постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 N 19 в подобных случаях вопрос наличия в действиях обвиняемого признаков необходимой обороны и соразмерности причиненного вреда решается с учетом обстановки. Так, если обвиняемый осознавал наличие угрозы своей жизни или жизни своих близких, он может причинять вред любой степени вплоть до лишения жизни. В то же время причинение вреда, который не был необходим для предотвращения посягательства, если это осознавалось обвиняемым, должно быть расценено как превышение пределов необходимой обороны [6, с. 25].

Нижестоящие суды квалифицировали действия А. как необходимую оборону, однако сочли, что последний превысил ее допустимые пределы. Так А. был осужден на 3 года 7 месяцев ограничения свободы по ч.1 ст. 108 УК РФ.

Позднее Верховный суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) разъяснил, что суды не учли всех обстоятельств дела, а именно того, что один из приехавших пытался убежать, услышав первый выстрел. Но А. выстрелил и в убежавшего человека. Также ВС РФ обратил внимание на то, что у потерпевших не было с собой оружия, и они, выйдя из машины, не высказывали никаких угроз — «с их стороны отсутствовали высказывания «о намерении немедленно причинить гражданину или другим лицам смерть или вред здоровью, опасный для жизни» [4]. Решения нижестоящих судов были отменены и направлены на новое рассмотрение.

В результате нового рассмотрения дела выяснилось, что мужчины прибыли к дому А. с палками и начали нападать на жену и ребенка А. Тем самым, А. открыл огонь по нападавшим с целью защитить свою семью. Следовательно, в его действиях не прослеживалось состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, поэтому в отношении А. был вынесен оправдательный приговор.

Указанный пример свидетельствует о том, что для правильного установления критериев превышения необходимой обороны необходимо определить то, каким мотивом и целью руководствовалось лицо, осуществляя то или иное деяние. Если будет установлено, что лицо действовало с целью защитить себя или своих близких, то оснований для квалификации его действий по ст. 108 УК РФ не усматривается, а значит лицо не должно привлекаться к уголовной ответственности. Если же в действиях обороняющегося будет умысел на причинение смерти другому лицу, когда он расценивает действия нападающего как угрозу жизни и своим интересам, тогда имеет место быть преступление, предусмотренное ст. 108 или 114 УК РФ.

Показательным в этом случае является следующий пример. Супруги Р. и Т., распивали алкогольные напитки. Т., будучи в нетрезвом состоянии, после случившейся ссоры с Р., схватил последнюю за ее домашний халат, притянул к себе, два раза ударил ее головой о холодильник, сопровождая свои действия угрозой убийством. Во время очередного удара об холодильник, Р. споткнулась о кресло и упала всем весом тела на подоконник, вследствие чего получила переломы кости в тазе, которые причинили ей средней тяжести вред здоровью. Р. несколько раз просила Т. остановиться наносить ей удары, но его это не остановило. Он снова начал пытаться схватить Р., угрожая убийством. С целью защитить свою жизнь, она взяла нож и нанесла один удар в грудь Т. Это привело к колото-резаной ране в груди с повреждением мягких тканей грудной клетки от чего Т. скончался на месте.

Суд в своем обвинительном приговоре квалифицировал действия Р. по ч. 1 ст. 108 УК РФ, поскольку сущность ее умышленных действий, совершенных с целью собственной обороны, очевидно, не соответствовала размеру опасности посягательства на нее мужем. Суд объяснил это тем, что осужденная видела, что убитый в последний раз при попытке нападения подходил к ней без предметов в руках, а значит, ему нечем было ее убить.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ не согласилась с таким выводом. Вывод суда о том, что, обороняясь от нападения и нанеся Т. один удар ножом в грудь, Р. превысила пределы необходимой обороны, противоречит требованиям ст. 37 УК РФ, согласно которым превышением пределов необходимой обороны считаются лишь умышленные действия лица, явно несоответствующие характеру и опасности посягательства. Поэтому осуждение Р. следует считать незаконным [5, с. 47].

В доктрине сложилась определенная тенденция относительно того, что в каждом конкретном случае необходимо устанавливать наличие или отсутствие превышения пределов необходимой обороны, исходя из комплекса обстоятельств, имеющих отношение к делу [8, с. 237]. Верховный Суд в Постановлении высказал позицию о том, что уголовная ответственность за причинение вреда наступает для оборонявшегося лишь в случае превышения пределов необходимой обороны, то есть, когда будет установлено, что оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства [10].

Однако отсутствие единого подхода к определению способов и средств необходимой обороны на сегодняшний день порождает определенные сложности на практике [12, с. 33].

Так, по Приговору Бокситогорского городского суда Ленинградской области от 22 августа 2012 г. С. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Президиум Ленинградского областного суда Постановлением от 23 апреля 2013 г. приговор и кассационное определение изменил: действия С. переквалифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ. Из позиции суда следовало, что С. признан виновным и осужден за то, что 2 июля 2011 г. в ходе конфликта умышленно причинил тяжкий вред здоровью П., превысив при этом пределы необходимой обороны. От полученных телесных повреждений, опасных для жизни, потерпевший П. скончался в больнице. Президиум в своем Постановлении подробно привел показания осужденного С. и свидетеля О., на основании которых стало известно, что конфликт был спровоцирован потерпевшим П., который находился вместе с М. и С. В целях недопущения развития конфликта С. и О. стали уходить, но за ними отправились С., П. и М. Свидетель О. успел сообщить близким, чтобы они вызвали полицию в связи с тем, что их преследуют и могут убить. Нападение на С. и О. Президиум воспринял как посягательство, представляющее опасность для их жизни и здоровья. Как указано в Постановлении, подвергшиеся нападению С. и О. принимали угрозу их жизни и здоровью реальной, что может быть подтверждено телефонным звонком О. своим близким с целью привлечь органы правопорядка для защиты от действий нападающих лиц [11].

Из этого следует, что Президиум Ленинградского областного суда в действительности признал, что общественно опасное посягательство со стороны П. было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося С., при котором закон дает оборонявшемуся право на причинение посягающему лицу любого вреда. Судебная коллегия заключила, что С. находился в состоянии необходимой обороны, обороняясь от посягательства, опасного для его жизни, следовательно, причинение им тяжкого вреда здоровью посягавшему П., повлекшее по неосторожности смерть последнего, в силу ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением. В результате уголовное дело в отношении С. было прекращено за отсутствием в деянии состава преступления.

Таким образом, анализ материалов судебной практики, законодательных и доктринальных положений свидетельствует о недостаточной разработанности института необходимой обороны в уголовном праве.

Для правильной квалификации превышения пределов необходимой обороны, с одной стороны, необходимо давать правильную оценку субъективным факторам, а именно — эмоциональному состоянию обороняющегося лица, его целям и мотивам, с другой стороны — объективным факторам — обстоятельствам совершенного деяния.

На сегодняшний день сложность состоит в том, что применение норм, касаемых превышения пределов необходимой обороны, имеет больше обвинительный уклон. Суды все чаще усматривают в действиях обороняющегося наличие умысла на причинение вреда лицу, посягающему на его жизнь и здоровье, что порождает тенденцию к увеличению преступлений, предусмотренных статьями 108 и

114 УК РФ. Это происходит в следствие отсутствия единого подхода к определению понятия «предел» необходимой обороны, имеющего оценочный характер, а также сложности выделения границ правомерности необходимой обороны. Не закрепив данную дефиницию в уголовном кодексе, законодатель, тем самым, возложил на обороняющееся лицо задачу самостоятельно определить пределы действий, направленных на защиту своих интересов, при этом последний должен отдавать отчет своим действиям независимо от ситуации и думать о том, чтобы не причинить нападающему вред, который в дальнейшем может повлечь уголовную ответственность первого.

На решение данных вопросов существенное влияние окажет закрепление понятия «пределы необходимой обороны» в уголовном законодательстве Российской Федерации. Норму можно поместить в примечании 1 к ст. 37 УК РФ, указав, что под пределами необходимой обороны следует признавать такие действия, которые в точной мере соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства. Тогда превышение пределов необходимой обороны будет определяться как умышленное избрание обороняющимся лицом таких способов, средств или орудий защиты, применение которых очевидно для обороняющегося не вызывалось характером и опасностью посягательства, когда посягавшему без необходимости умышленно был причинен тяжкий вред здоровью или смерть.

Для дальнейшего совершенствования института необходимой обороны также можно обратиться к опыту зарубежного законодательства и на основе имеющихся там положений поместить в российское уголовное законодательство, и именно, в примечание 2 к ст. 37 УК РФ, нормы, исключающие уголовную ответственность за причинение вреда при необходимой обороне жилища, личного имущества. Это позволит исключить необоснованное осуждение лиц за деяния, совершенные в состоянии необходимой обороны, с целью защиты жизни и собственных интересов от преступного посягательства.

Библиографический список:

1. Тропин, Д. Н. О некоторых вопросах применения необходимой обороны / Д. Н. Тропин // Молодой ученый. — 2016. — № 21 (125). — С. 671–675.
2. Пархоменко, С. В. Почему необходимая оборона является необходимой? / С. В. Пархоменко // Уголовное право. — 2003. — N 1. — 49 с.
3. Максуров, А. А. О совершенствовании понятия «необходимая оборона» как межотраслевого юридического института / А. А. Максуров // Парижский университет Сорбонна. — 2019. — № 8. — С. 22–24.
4. Верховный суд разъяснил, когда человек имеет право на самооборону // официальный портал Верховного суда Российской Федерации. — URL : <http://supcourt.ru> (дата обращения: 01.04.2023).
5. Пермякова, Т. В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны / Т. В. Пермякова // Стратегии исследования в общественных и гуманитарных науках : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2022 г. : Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ). — 2022. С. 46–49.
6. Барчук, А., Князев, А., Кубанцева, О. Выстрелы посчитали самообороной. Застрелившего предпринимателя новосибирца могут осудить на два года / А. Бурчук, А. Князев, О. Кубанцева // «Жилищное право». — 2021. — N 12. — С. 23–27.
7. Шаргородский, М. Д. Вопросы общей части уголовного права. Законодательство и судебная практика / М. Д. Шаргородский. — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. — 256 с.
8. Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. — Москва: Юристь, 1999. — 356 с.
9. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) : официальный сайт «Гарант». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72185504/> (дата обращения: 10.04.2023).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» : официальный сайт «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 12.04.2023).

11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. N 33-Д13-6 // Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2013 г. : официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. — URL: <https://supcourt.ru/files/14602/> (дата обращения: 12.04.2023).

12. Никуленко, А. В., Смирнов, В. А. Вопросы квалификации превышения пределов необходимой обороны / А. В. Никуленко, В. А. Смирнов // Российский следователь. — 2020. — № 11. — С. 32–36.

Чебыкина Ирина Александровна

магистрант, кафедра уголовно-правовых дисциплин
Челябинский государственный университет,
РФ, г. Челябинск
E-mail: irinaalecsandrovna2000@mail.ru

Дробот Сергей Александрович

научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.,
Челябинский государственный университет,
РФ, г. Челябинск

Irina Chebykina

master's student, Department of Criminal Law Disciplines
Chelyabinsk State University,
Russian Federation, Chelyabinsk

Sergey Drobot

scientific supervisor, candidate of legal sciences, associate professor, Chelyabinsk State University,
Russian Federation, Chelyabinsk

УДК 343.222

**ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ СТАТЬИ 105 УК РФ ОТ ПУНКТА «А» ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 264
УК РФ ПО ПРИЗНАКУ ВИНЫ****ISSUES OF DELINEATION OF ARTICLE 105 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION FROM PARAGRAPH "A" OF PART 4 OF ARTICLE 264 OF THE CRIMINAL
CODE ON THE BASIS OF GUILT**

Аннотация. В статье предпринята попытка определить значение такого признака субъективной стороны как вина на квалификацию преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ. Поднимается проблема установления формы вины при разграничении убийства и причинения смерти при ДТП на практике. Предлагается внести изменения в конструкцию статьи 264 УК РФ с целью устранения ошибок при квалификации данного преступления.

Annotation. The article attempts to determine the significance of such a sign of the subjective side as guilt for the qualification of crimes provided for in paragraph «а» of Part 4 of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problem of establishing the form of guilt in distinguishing murder and causing death in an accident in practice is raised. It is proposed to amend the construction of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to eliminate errors in the qualification of this crime.

Ключевые слова: вина, состояние опьянения, неосторожная форма вины, косвенный умысел, дорожно-транспортное происшествие, убийство.

Keywords: guilt, state of intoxication, careless form of guilt, indirect intent, traffic accident, murder.

На сегодняшний день управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, является одной из главных причин высокой смертности в дорожно-транспортных происшествиях. Отрицательная динамика преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 4 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), свидетельствует о высокой степени опасности данных преступлений и требует повышенного внимания. Так, в 2022 году из 126 705 дорожно-транспортных происшествий 11 729 преступлений с участием водителей в состоянии опьянения, 3 445 — со смертельным исходом. На начало 2023 года зарегистрировано уже 8 382 случая дорожно-транспортных происшествий, 353 — совершены водителями в состоянии опьянения, от действий которых погибло 60 человек [1].

Важнейшим признаком субъективной стороны рассматриваемого состава преступления является вина. По мнению А.Н. Попова она представляет собой отражение внутренних процессов, происходящих в психике лица, совершившего преступление [3, с. 11]. Вопросы правильного

установления вины, то есть психического отношения субъекта к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям, требуют повышенного внимания как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике.

В настоящее время между теоретиками уголовного права ведутся споры относительно установления вины при совершении ДТП в состоянии алкогольного опьянения. Законодателем установлено, что субъективная сторона указанного преступления характеризуется виной в форме неосторожности, которая может проявляться как в виде легкомыслия, так и в виде небрежности. Однако некоторые ученые утверждают, что в действиях лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, имеет место быть умысел. По мнению В.В. Нафикова в случае, если лицо, управляющее транспортным средством, нарушает правила дорожного движения умышленно, то есть осознает характер своих действий и способно предвидеть возможные последствия таких действий, содеянное должно квалифицироваться как убийство или умышленное причинение вреда здоровью [2].

В настоящее время судебная практика по вопросам отграничения ДТП в состоянии алкогольного опьянения от убийства по признаку установления вины складывается противоречиво. Несмотря на то, что законодатель предусмотрел для преступления, предусмотренного п «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ, наличие неосторожной формы вины, суды могут усматривать в указанных деяниях признаки косвенного умысла, что напрямую влияет на квалификацию преступления.

Показательным является следующий пример из судебной практики. Так, Саткинским городским судом Челябинской области Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ при следующих обстоятельствах. В период с 18 часов 00 минут до 19 часов 40 минут Б., находясь на рабочем месте в железнодорожном цехе ПАО «Комбинат «Магnezит» употребил спиртное в количестве 0,25 литра водки, после чего поехал домой. Около 20 часов 20 минут Б., находясь за управлением принадлежащего ему автомобиля марки «Хендай Акцент», преследуя свой преступный умысел, направленный на управление автомобилем, осознавая общественно-опасный характер своих действий, ставящих под угрозу безопасность движения, находясь в состоянии опьянения, совершил наезд на пешехода, который двигался спокойным шагом в попутном ему направлении по левому краю правой обочины и помехи ему не создавал. От удара пешехода подбросило вверх, он отлетел на несколько метров вперед, упал на асфальт и от полученных травм скончался [5]. Б. был приговорен к трем годам лишения свободы, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок два года шесть месяцев.

Суд охарактеризовал действия Б. как преступную неосторожность, то есть не обнаружил в них умысла несмотря на то, что Б. садился за руль транспортного средства в состоянии алкогольного опьянения, двигался по дворовой территории со скоростью более 70 км/ч, и, тем самым, мог осознавать, что своими действиями создает угрозу другим участникам дорожного движения и имел умысел на совершение таких действий. В.В. Нафиков утверждает, что, если лицо, управляющее транспортным средством, едет в городе со скоростью 80 км/ч при разрешенной скорости 50 км/ч или не останавливается перед пешеходным переходом, видя на дороге пешеходов, не может не сознавать общественно опасного характера своих действий и предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. Если рассматривать в подобных случаях поведение лица и его психическое отношение к своим действиям с точки зрения психологии и науки уголовного права, усматривается по крайней мере безразличное отношение к последствиям своих действий, а это является признаком косвенного умысла.

В другом примере Иркутским областным судом в 2019 году рассматривалось беспрецедентное уголовное дело в отношении П., получившее широкий общественный резонанс. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, 8 октября 2018 года в период времени с 11 часов 30 минут до 12 часов 07 минут Поляков С.В., управляя принадлежащим ему автомобилем марки «Тойота Ленд Крузер 100», осуществлял движение в общественном месте по проезжей части автомобильной дороги по ул. Мира в г. Иркутске. Во время движения Поляков С.В. решил, что водитель автомобиля марки «Киа Рио» под управлением Ж., в котором в качестве пассажиров находились несовершеннолетняя Щ., 2006 года рождения и малолетний Д., 2010 года рождения, совершил опасный маневр перед его автомобилем. В связи с этим у П. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, из мести возник умысел на совершение опасного маневра в отношении водителя автомобиля «Киа Рио», при этом он осознавал общественную опасность и противоправность своих действий, предвидел возможность наступления общественно-опасных и тяжких последствий в виде повреждения чужого имущества,

причинения вреда здоровью и смерти лицам, находившимся в автомобиле «Киа Рио» и на маршруте его следования, а также в автомобильном транспорте, двигавшемся во встречном и попутном направлениях в это время на данном участке дороги и к таким последствиям относился безразлично. С этой целью П., управляя источником повышенной опасности — автомобилем «Тойота Ленд Крузер 100», со скоростью около 85 км/ч, которая значительно превышает разрешенную скорость движения, используя надуманный повод, стал преследовать автомобиль «Киа Рио», и догнал его на участке автомобильной дороги на ул. Мира, 2б. Реализуя намеченное, П. целенаправленно, резко отклонил влево управляемый им автомобиль «Тойота Ленд Крузер 100» и на значительной скорости направил его в сторону автомобиля «Киа Рио». В результате этого автомобиль «Киа Рио» под управлением Ж. по независящим от нее причинам выехал на полосу встречного движения, где столкнулся с двигавшемся во встречном направлении автомобилем «Мицубиси Лансер» под управлением А., который скончался на месте от полученных травм. Ж. и ее пассажиры получили серьезные травмы, их здоровью был нанесен тяжкий вред [6].

П. признал свою вину, но настаивал на том, что его действия попадают под состав преступления, предусмотренного ч.4 ст. 264 УК РФ. Однако судом П. был признан виновным по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК, п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, а также по ч. 1 ст. 167 УК РФ. Ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 15 лет. Тем самым, устанавливая вину П. в виде косвенного умысла, суд квалифицировал деяние как убийство, завуалированное под ДТП.

Мнения юристов и адвокатов относительно произошедшего до сих пор разнятся. Адвокат потерпевшей Александр Сапожников полагает, что приговор соразмерен деянию и суд вынес максимально точное и справедливое решение. Адвокат Сергей Жорин, в свою очередь, также утверждает, что наказание соразмерно вине, однако юридическое обоснование решения суда может вызывать вопросы [9]. В этой ситуации в действиях П. усматривались признаки косвенного умысла, то есть виновный сознательно допускал наступления общественно опасных последствий, относился к ним одобрительно, что послужило основанием для квалификации совершенного им преступления по п «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в то время как в остальной части его деяния подпадают под состав, предусмотренный ст. 264 УК РФ.

В 2019 году судебной практике стал известен еще один случай убийства, завуалированного под ДТП, который произошел в Свердловской области. Некий Ш. выпивая на корпоративе, поссорился с коллегами, после чего вышел на улицу, сел за руль своего автомобиля, разогнался, протаранил ворота и заехал на территорию здания, где сбил двух граждан и совершил наезд на стоявшую там машину. Затем Ш. развернулся, поехал на выезд, повторно наехал на пострадавшего и забуксовал. Когда водителя вытащили из машины, он стал помогать сдвинуть автомобиль с потерпевшего, с которым поссорился. Тем не менее, тот скончался. Вторая потерпевшая, супруга жертвы, получила телесные повреждения, которые квалифицировали как тяжкий вред здоровью.

Записи с камер видеонаблюдения позволили суду прийти к выводу, что Ш., умышленно увеличивая скорость движения автомобиля, заехал на внутреннюю территорию в направлении Ш.С.Ф. и других находившихся вместе с ними лиц, при этом, вопреки его утверждению, не предпринимая никаких мер к снижению скорости и остановке транспортного средства. О том, что Ш. осознавал, что его действия неизбежно приведут к наступлению тяжких последствий в виде смерти Ш.С.Ф. и причинению телесных повреждений другим стоявшим рядом с ним лицам, то есть совершаются общеопасным способом следует из самого факта совершения этих действий с использованием источника повышенной опасности — движущегося на значительной скорости автомобиля.

Приговором Свердловского областного суда Ш. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «е» ч. 2 ст. 105, п. «в, з» ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 167 и ст.264.1 УК РФ и приговорен к лишению свободы на срок 16 лет с отбыванием в исправительной колонии особого режима, с ограничением свободы на срок 1 год 6 месяцев, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на 3 года [8]. Верховный Суд Российской Федерации посчитал решение суда первой инстанции верным и не нашел оснований считать назначенное Ш. наказание излишне суровым либо чрезмерно мягким.

Квалификация рассмотренного деяния напрямую зависела от установления вины Ш. Так, судом было установлено, что у осужденного был прямой умысел на лишение жизни погибшего (угрозы, наезд, повторный наезд). Использование автомобиля в качестве орудия преступления, согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 N 25, влечет уголовную ответственность по статьям Особенной части УК РФ о преступлениях против жизни и

здоровья.

Таким образом, вопрос установления вины при причинении смерти в результате ДТП, совершенного лицом в состоянии опьянения, имеет принципиальное значение для правильной квалификации преступного деяния и ограничения данного преступления от убийства.

В настоящее время судебная практика складывается таким образом, что суды чаще усматривают в действиях лица, совершившего ДТП в состоянии опьянения, вину по неосторожности. Логика судов складывается из позиции законодателя, который не предусмотрел возможности наличия косвенного умысла в действиях лица, совершающего преступление, предусмотренное п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ. Однако в практике иногда встречаются случаи, когда вина лица имеет очевидные признаки умысла. Тогда ДТП, завуалированное под убийство, искусственно переводится в разряд особо тяжких и квалифицируется по ст. 105 УК РФ. Подобные случаи в судебной практике, с одной стороны, показательны в плане предупреждения дорожной преступности, но, с другой стороны, юридически не обоснованы.

Очевидная рассогласованность норм Общей и Особенной частей УК РФ в вопросе установления вины лица, совершившего преступление, предусмотренное п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ, приводит к сложностям правильной квалификации такого рода преступлений, с одной стороны, и трудностям в вопросе назначения справедливого наказания, соответствующего степени общественной опасности, с другой стороны.

Решение проблемы возможно только путем исключения признака «в состоянии опьянения» из конструкции ст. 264 УК РФ. В таком случае нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения следует признавать умышленным преступлением.

Также представляется необходимым внести соответствующий пункт в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», сформулировав его следующим образом: «Нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, если оно совершено лицом в состоянии опьянения, необходимо расценивать как преступление, совершенное с косвенным умыслом, поскольку лицо осознает общественную опасность своих действий и предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желая, но сознательно допуская эти последствия либо относясь к ним безразлично».

Соответственно, санкция за деяния, предусмотренные п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ, также будет подвергнута изменениям в плане ужесточения наказания, поскольку преступление будет совершаться умышленно, а не по неосторожности.

Данные изменения позволят судам избежать ошибок применения закона при квалификации преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ, а ужесточение санкции за данные деяния поспособствует предупреждению и сокращению их количества в будущем.

Библиографический список:

1. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения // Госинспекция Российской Федерации : официальный сайт. — URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 09.03.2023).
2. Нафиков В.В. Проблемы определения субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ (вопросы теории и практики) / В.В. Нафиков. — URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=60> (дата обращения: 09.03.2023).
3. Попов А.Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ) : конспект лекций / А.Н. Попов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 124 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — Текст : непосредственный.
5. Приговор № № 1-158/2018 от 13 июля 2018 г. по делу № 1-158/2018 / Саткинский городской суд Челябинской области // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт.

— Текст : электронный. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4Vbop2tLH0Hw/?regular> (дата обращения: 10.03.2023).

6. Приговор № 2-4/2020 2-46/2019 от 29 января 2020 г. по делу № 2-4/2020 / Иркутский районный суд // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт. — Текст : электронный. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TO0FxtXwmsJ0/> (дата обращения: 10.03.2023).

7. Хабарова Н. Ю. Дискуссионные вопросы определения субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации / Н. Ю. Хабарова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 32 (427). — С. 85-87.

8. Приговор № 2-9/2019 от 21 июня 2019 г. по делу № 2-9/2019 / Свердловский областной суд // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : сайт. — Текст : электронный. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/n6u0jgHZRrLV/> (дата обращения: 11.03.2023).

9. Распопова А. Вытолкнул на встречу: водитель получил 15 лет за умышленное ДТП / А. Распопова. — Текст : электронный. — URL: <https://www.autonews.ru/news/5e33fddf9a7947c17f49f3b6https://www.autonews.ru/news/5e33fddf9a7947c17f49f3b6> (дата обращения: 11.03.2023).

Кириловский Владимир Александрович
Kirilovsky Vladimir Alexandrovich

Юрист группы компаний «СИТИФЭЙС», г. Новосибирск
E-mail: aval-nsk@yandex.ru

УДК 347.736

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

REPRESENTATION IN AN INDIVIDUAL BANKRUPTCY CASE

Аннотация: Автор статьи обращает внимание на наличие противоречий и пробелов в законодательстве при представлении интересов должника-физического лица.

Annotation: The author of the article draws attention to the presence of contradictions and gaps in the legislation when representing the interests of the debtor-an individual.

Ключевые слова: доверенность, должник-физическое лицо, представительство в деле о банкротстве.

Keywords: power of attorney, debtor-an individual, representation in a bankruptcy case.

Неоднократно, участвуя в судебных разбирательствах в качестве представителя кредитора или должника в делах о банкротстве физических лиц, у меня стал возникать вопрос о легитимности представителя должника-физического лица. На деле в судебный процесс является лицо, которое в силу доверенности наделено правом представлять интересы должника. Доверенность нотариальная, как требует буква закона. Вопросов у судов по допуску данных лиц к участию в процессе не возникает, хотя, на мой взгляд, имеется несколько моментов, безусловно указанных в законе, которые должны как минимум посеять сомнение в верности выбранного способа представления интересов должника.

Хотелось бы осветить данный вопрос с двух позиций: первая, когда физическое лицо банкротится по собственному заявлению; вторая, когда кредитор обратился в суд с заявлением о признании физического лица несостоятельным (банкротом).

Статьей 25 ГК РФ установлено, что гражданин, который не способен удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, может быть признан несостоятельным (банкротом) по решению арбитражного суда. Основания, порядок и последствия признания арбитражным судом гражданина несостоятельным (банкротом), устанавливаются законом, регулирующим вопросы несостоятельности (банкротства).

Наличие представителя у доверителя всегда подразумевает наличие между ними договорных и возмездных отношений. Представитель как минимум является профессиональным юристом, специализирующимся в области банкротства, с определенным багажом знаний, опыта и навыков ведения судебного разбирательства. Возникает вопрос: как может должник иметь представителя, если сам должник подал в суд заявление о признании его банкротом? Его заявление является сигналом о том, что у должника нет свободных денежных средств для удовлетворения требований кредиторов, нет имущества, достаточного для погашения своих обязательств. И в то же время он находит значительную сумму для оплаты услуг представителя, оплаты нотариальной доверенности, в конце концов.

Зачастую должники представляют в суд сведения, согласно которым остаток денежных средств на счете равен нулю, нет постоянного источника дохода (безработный), нет никакого имущества в собственности. И при этом его интересы в суде уже представляет третье лицо по нотариальной доверенности. Абсурдность такой ситуации при этом никак не регламентирована законом. Более того закон допускает ведение дел должником-физическим лицом через своего представителя.

В силу ч.1 ст. 59 АПК РФ граждане вправе вести свои дела в арбитражном суде лично или через представителей. Ведение дела лично не лишает гражданина права иметь представителей. Согласно ч. 4 ст.61 АПК РФ полномочия на ведение дела в арбитражном суде должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с федеральным законом.

В силу ч. 1 ст. 36 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций, являющихся лицами, участвующими в деле о банкротстве, или лицами, участвующими

в арбитражном процессе по делу о банкротстве, могут выступать любые дееспособные граждане, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела о банкротстве.

Также согласно ч. 1 ст. 213.8 Закона о банкротстве в собрании кредиторов принимают участие без права голоса наряду с лицами, указанными в пункте 1 статьи 12 настоящего Федерального закона, гражданин и (или) его представитель.

В совокупности, данная норма права порождает возможность предоставления должником третьему лицу нотариальной доверенности и представления его интересов в суде.

Безусловно, законодатель в данном вопросе руководствовался положениями Конституции, согласно которой все равны перед судом и законом (ст. 19); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ст. 46); каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно (ст. 48). Но с точки зрения логики, такая конструкция не выдерживает критики.

Если мы говорим о представлении интересов должника-физического лица в иных судебных разбирательствах, иных судах, не связанных непосредственно с процедурой банкротства либо косвенно связанных с ней (к примеру взыскание задолженности в пользу должника в судах общей юрисдикции), то в этом моменте есть жесткая привязка к норме Закона о банкротстве.

Согласно абз. 4 п. 6 ст. 213.25. Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) финансовый управляющий в ходе реализации имущества гражданина от имени гражданина ведет в судах дела, касающиеся имущественных прав гражданина, в том числе об истребовании или о передаче имущества гражданина либо в пользу гражданина, о взыскании задолженности третьих лиц перед гражданином. Гражданин также вправе лично участвовать в таких делах.

В соответствии с п. 1 ст. 22 ГК РФ никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом.

Согласно п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» всем имуществом должника, признанного банкротом (за исключением имущества, не входящего в конкурсную массу), распоряжается финансовый управляющий (пункты 5, б и 7 статьи 213.25 Закона о банкротстве).

Финансовый управляющий в ходе процедуры реализации имущества должника от имени должника ведет в судах дела, касающиеся его имущественных прав (абз. 5 п. 6 ст. 213.25 Закона о банкротстве).

Должник также вправе лично участвовать в иных делах, по которым финансовый управляющий выступает от его имени (абз. 5 п. 6 ст. 213.25 Закона о банкротстве).

Таким образом, вышеуказанными нормами права частично ограничивается правоспособность должника при проведении процедуры реализации имущества. В частности, Законом о банкротстве уполномоченным вести дела, касающиеся имущественных прав гражданина, в том числе об истребовании или о передаче имущества гражданина либо в пользу гражданина, о взыскании задолженности третьих лиц перед гражданином является финансовый управляющий.

Закон о банкротстве допускает личное присутствие гражданина при рассмотрении иных дел, не касающихся имущественных прав гражданина, в том числе право на обжалование принимаемых по таким делам судебных актов.

Таким образом, вышеуказанными нормами права закреплено, что при рассмотрении дел, затрагивающих имущественных права гражданина, интересы гражданина вправе представлять только финансовый управляющий, в свою очередь, при рассмотрении иных дел, не касающихся имущественных права гражданина, гражданин вправе самостоятельно представлять свои интересы, либо делегировать данные полномочия третьим лицам, действующим на основании выданных им самим доверенностей.

Исходя из этого, следует, что финансовый управляющий является как раз тем самым представителем, который уже в силу закона и без доверенности, действует в интересах должника, но только в иных процессах и разбирательствах. В рамках дела о банкротстве роль финансового управляющего гораздо шире, так как он вдобавок ко всему обязан отстаивать интересы кредиторов.

Согласно ч. 5 ст. 213.11 Закона о банкротстве в ходе реструктуризации долгов гражданина он может совершать только с выраженного в письменной форме предварительного согласия финансового управляющего сделки или несколько взаимосвязанных сделок:

- по приобретению, отчуждению или в связи с возможностью отчуждения прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет более чем пятьдесят тысяч рублей, недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставном капитале и транспортных средств;
- по получению и выдаче займов, получению кредитов, выдаче поручительств и гарантий, уступке прав требования, переводу долга, а также учреждению доверительного управления имуществом гражданина;
- по передаче имущества гражданина в залог.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 ГК РФ способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами.

В силу ч.1 ст.185 ГК РФ доверенностью признается **письменное уполномочие**, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами.

В соответствии с положениями ГК РФ и Основ законодательства Российской Федерации о нотариате следует, что доверенность, выдаваемая физическим лицом на представление его интересов в суде, должна быть нотариально удостоверенной.

Как указано в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) по смыслу главы 10 ГК РФ доверенность является односторонней сделкой, к которой применяются общие положения об обязательствах и о договорах, поскольку это не противоречит закону, одностороннему характеру и существу сделки (ст. 156 ГК РФ).

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, следует, что должник вправе выдавать доверенности на имя третьих лиц без каких-либо согласований с финансовым управляющим, и такое право в рамках судебного дела о его банкротстве косвенно, но закреплено нормами права. И то обстоятельство, что гражданин на момент подачи заявления о признании его несостоятельным, не имеет никаких финансовых возможностей удовлетворить требования кредиторов, в то же время оплачивает услуги своего представителя, не смущает ни суд, ни финансового управляющего, ни законодателя.

Хотя, надо отметить и один из способов преодоления подобных парадоксов.

Не стоит забывать про Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и, в частности, про Закон Новосибирской области от 28.09.2012 г. № 252-ОЗ «О бесплатной юридической помощи на территории Новосибирской области». Эффективность использования данного инструмента пока не изучена и в рамках данной статьи не будет освещена, но наличие указанной правовой базы создает некую связку в парадоксальной истории, когда у банкрота откуда-то появляется оплаченный представитель.

При этом в арбитражном процессе есть способ предотвращения такого парадокса, правда, достаточно общий, но тем не менее регламентированный законом. И на мой взгляд, несмотря на все вышеуказанные нормы права, этот способ возможно применить в каждом деле о банкротстве, когда вы имеете заинтересованность в том, чтобы «убрать» из процесса представителя должника или, по крайней мере, обратить внимание суда на всю неочевидность ситуации.

Так, в частности, в силу ч. 1, 2, 4 ст. 63 АПК РФ арбитражный суд обязан проверить полномочия лиц, участвующих в деле, и их представителей.

Арбитражный суд решает вопрос о признании полномочий лиц, участвующих в деле, и их представителей и допуске их к участию в судебном заседании на основании исследования документов, предъявленных указанными лицами суду.

В случае непредставления лицом, участвующим в деле, его представителем необходимых документов в подтверждение полномочий или представления документов, не соответствующих требованиям, установленным АПК РФ и другими федеральными законами, а также в случае нарушения правил о представительстве, установленных [ст. 59, 60](#) АПК РФ, арбитражный суд отказывает в признании полномочий соответствующего лица на участие в деле, на что указывается в протоколе судебного заседания.

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 188 ГК РФ действие доверенности прекращается вследствие введения в отношении представляемого или представителя такой процедуры банкротства, при которой соответствующее лицо утрачивает право самостоятельно выдавать доверенности.

Ключевой момент – утрачивает право самостоятельно выдавать доверенности.

Исходя из буквального толкования указанной нормы права, следует, что с момента признания гражданина несостоятельным и на протяжении всей процедуры банкротства должник не может обращаться к нотариусу для выдачи доверенности на третье лицо.

Сказать честно, на моей практике я несколько раз подавал заявления об отказе в признании полномочий представителя должника-гражданина, но ни в одном случае суд не удовлетворил его: отказывал в удовлетворении моего ходатайства без объяснения причин отказа.

Совершенно иной порядок вещей обстоит тогда, когда кредитор пытается ввести в отношении гражданина процедуру банкротства, а потенциальный должник не хочет этого, так как не считает себя банкротом. Вполне логично для должника в таком случае привлечь представителя-юриста для решения этого вопроса, так как его несостоятельность только предполагается, ее еще нужно доказать перед судом.

Приведенные в данной статье модели осуществления должником своего представительства в суде имеют, конечно же, узко идеализированный характер. В реальности каждая конкретная история банкротства гражданина уникальна по своему и имеет множество нюансов, которые влияют как на весь процесс, так и на его исход. И порой, участие именно представителя должника во многом предопределяет результат. Учитывая очень специфический характер такого процесса как банкротство, видится вполне, конечно же, логичным иметь в качестве своего представителя именно профессионала-юриста или адвоката, нежели самому лично участвовать в заседаниях, готовить какие-то документы, отзывы, ходатайства.

Библиографический список:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]: //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 08.06.2023 г.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ ((ред. от 25.02.2022 г.))//СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 08.06.2023 г.).
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022 г.) //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 08.06.2023 г.).
4. Арбитражно-процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс]: от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 08.06.2023 г.).
5. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 28.06.2022 г.) [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 08.06.2023 г.).
6. Закон Новосибирской области от 28.09.2012 г. № 252-ОЗ «О бесплатной юридической помощи на территории Новосибирской области» (ред. от 16.12.2022 г.) [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 08.06.2023 г.).
7. Постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 08.06.2023 г.).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) [Электронный ресурс] //СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения: 08.06.2023 г.).

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140